

Выражаем огромную признательность Генеральному консулу РФ в г. Шеньяне (Китайская Народная Республика) Сергею Николаевичу Подберезко (2012 г.); генеральному консулу РФ в г. Шеньяне, Сергею Юрьевичу Пальтову (2013 г.); Директору историко-документального Департамента МИД России Александру Игоревичу Кузнецову, сотрудникам АВПРИ за предоставленные документы, которые явились основой для данной публикации.

1. АВПРИ. Ф. 493. Д. 217. Л. 10–10об.
2. Там же. Д. 218. Л. 45–46.
3. Там же. Д. 220. Л. 15.
4. Там же. Д. 890. Л. 7.
5. Там же. Д. 891. Л. 3–6.
6. Иллюстрированная летопись Русско-японской войны (По официальным данным, сведениям печати и показаниям очевидцев). С картами и планами, портретами, изображениями боевых эпизодов, рисунками из военно-походного быта. Вып. 3. СПб. : Типография А. С. Суворина. Изд. «Нового Журнала Иностранной Литературы» (Ф. И. Булгакова). 1904. С. 98–119, 137–139.
7. Исторический вестник. 1914. № 6. Т. 4. Ч. 1. № 1921.
8. *Смилевец И.* От земли Санникова до сопок Маньчжурии. Саратов : Приволжское изд-во, 2012. С. 206–207.

Т. В. Воробьева **ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ** **РЕТРОСПЕКТИВЕ**

Постоянное расширение территории Российского государства, присоединение и освоение новых пространств сыграли немаловажную роль в процессе складывания и развития российской евразийской цивилизации. Движение российской границы не было равномерным и плавным, оно сопровождалось неудачами и отступлениями. Ливонская война, Смута отбросили Россию на западе, хотя в то же время – во второй половине XVI и в начале XVII вв. – она основательно продвинулась на востоке, шагнув за Волгу и Урал (19, с. 11). С этого времени восточное направление движения становится постоянным вплоть до второй половины XIX в., пока в 1867 г. Александр II не продаст владения империи в Русской Америке. Между тем, до 1700 г. русское движение через Северную Азию не было ни великим замыслом, ни четко координируемым, планируемым национальным предприятием. Это были, в основном, усилия промышленников; служилых людей; военнопленных; российских политических ссыльных или церковных диссидентов; государственных крестьян, мастеровых и священнослужителей; купцов; гулящих людей; местных проводников и вооруженных отрядов коренных жителей, кооперировавшихся с русскими по различным причинам (2, р. Li).

Само правительство, ориентированное на центральные территории, долгое время не формировало стратегию восточного фронта, его земли воспринимались лишь как источник пушнины и место ссылки. Однако обладание обширными территориями было показателем величия империи, поэтому государство не только сквозь пальцы смотрело на беглецов, решивших поселиться в Сибири, а затем и на Дальнем Востоке, но и для закрепления за империей земель на них отправлялись крестьянские семьи. В эпоху Великих географических открытий, когда каждая уважающая себя европейская держава стремилась к приобретению колоний, принадлежность к «клубу» колониальных держав выводила Российскую империю из категории «варварских» в категорию «цивилизованных» стран. Таким образом, шли параллельные процессы государственного «собираения» земель (формирования национального государства) и колониационного освоения свободных (малозаселенных и привлекательных для земледелия) пространств. Специфика российской правительственной колонизации заключалась не столько в желании эксплуатировать вновь приобретенные территории и коренное население, сколько в стремлении обеспечить геополитическую стабильность на своих границах. За пределами климатических зон, доступных для земледелия, ни земли, ни рабский труд не интересовали ни российское правительство, ни русских переселенцев. Поэтому в отношении «инородцев» архаичный принцип уплаты дани (ясака) действовал до конца дореволюционной эпохи (9, с. 146–147).

Политический, военный, культурный и экономический рывок России в ходе Петровских реформ и дальнейшего развития империи в течение XVIII в., был, по сути, не чем иным, как – сначала

бессознательным, а затем все более и более осознанным – движением к геократии, к пониманию российского пространства как мощного цивилизационного и общественного института. Не случайно именно в ходе отправки Второй Камчатской экспедиции возник первый более или менее детальный план обширной колониальной экспансии России в Тихоокеанском регионе. Автором его был обер-секретарь Сената И. К. Кирилов, составивший в 1733 г. примечательную записку, в которой прямо говорилось о необходимости исследовать американское побережье до 45 градуса с. ш., а в западной части Тихого океана продвинуться от Камчатки до Японии, особо оговаривалась возможность присоединения к владениям американских земель в Калифорнии и Мексике (7, с. 51). Уже при Екатерине II, в марте 1766 г. вышел официальный именной указ о присоединении к России шести Алеутских островов. В том же году комендант Охотска Ф. Х. Плениснер рекомендовал присоединить к России территорию Нового Света от Калифорнии «до последних краев Северной Америки» (7, с. 52). Но этим планам не суждено было сбыться. И в дальнейшем, пока Россия была вовлечена в многочисленные коалиции и войны в Европе и на Кавказе в конце XVIII – начале XX вв., правительство не желало дополнительных внешнеполитических осложнений на крайних восточных рубежах империи. С этого момента инициатива в разработке экспансионистских планов на Тихоокеанском севере окончательно перешла к представителям купеческого капитала, заинтересованным в новых промысловых угодьях, по мере истощения пушных богатств на прежних территориях (7, с. 55). Созданная в 1799 г. Российско-Американская компания стремилась не только закрепить за Россией свои владения, но и значительно расширить их. Начиная с Г. И. Шелихова, мечтавшего о «распространении владений Российских», попытки последующих правителей РАК осваивать земли на американском континенте наталкивались на непоследовательность царского правительства, которое то организовывало экспедиции, способствующие превратить Тихоокеанский север в «русское море», то отказывалось от любых колониальных приобретений на востоке. Например, в 1818–1819 гг. правительством были отклонены просьбы «владельца Сандвичевых (Гавайских) островов» – Каумуалии о принятии его в подданство России (7, с. 50). А в 1822 г. глава МИД В. К. Нессельроде приказал производить патрулирование российских крейсеров как можно ближе к берегам Русской Америки и «не простираться» далее 55 градусов с. ш. по американскому берегу. В 1839 г. англичанам была передана в долгосрочную аренду полоса материкового берега от зал. Портленд на юге до м. Спенсер на севере, а в 1841 г. был продан Форт-Росс, в 1867 г. царское правительство продало Аляску США, что резко изменило геостратегическую ситуацию на Тихоокеанском севере не в пользу России (7, с. 62). В предисловии к своей работе «Русская экспансия к Тихому океану...» американский ученый, положивший начало изучению истории расширения российской территории, Ф. А. Голдер писал: «...открытие Аляски, которое я относил к начальной главе американской истории, я обнаружил как завершающую главу русской экспансии. Я осознал также, как тесно связана история Аляски с историей Сибири, и что для того, чтобы узнать одну, необходимо понимать другую» (1, с. 13).

Характерно, что геократической энергетики, присущей российской цивилизации в XVIII в., хватило только на осмысление России как в основном европейской страны; Урал, Сибирь, Казахстан, Средняя Азия и Дальний Восток, войдя в состав Российской империи, так и не были осмыслены образно. Иначе говоря, Россия конца XIX – начала XX вв., глядясь в «цивилизационное зеркало», никак не могла увидеть себя полностью, во всей образно-символической «красе»; зеркало как бы затуманено, и видны только фрагменты какого-то возможного сейчас цивилизационного целого, но само зеркало старое, архаичное, созданное по дискурсивным лекалам века Просвещения (10, с. 17–18). Роль восточных регионов, в частности сибирского Севера и Дальнего Востока, для становления российской цивилизации была особенно значимой, поистине конститутивной. Колоссальная территория, в значительной степени неблагоприятная для ведения хозяйства, растянутость коммуникаций, природно-климатическое разнообразие разных культурных миров и частей света, неравномерность экономического и социокультурного развития усложняли природу российской цивилизации, усиливали ее пограничность, черты своеобразия присущей ей модели развития. Этот фактор долгое время не осознавался центральным правительством, и его неопределенное отношение к присоединяемым окраинам государства отразилось в дискуссиях философов и политиков, пытавшихся определить место России в геополитической мировой системе: то относившим ее к европейской цивилизации, то абсолютизируя ее специфику, что выразилось во взглядах «западников» и «славянофилов», то создавая теории евразийства. «Россия, по моему крайнему разумению, – писал Д. И. Менделеев, сибиряк по происхождению, в 1906 г., – назначена сгладить тысячелетнюю рознь Азии и Европы, помирить и слить два разных мира, найти способы уравнивания между передовым, но кичливым и непоследовательным европейским индивидуализмом и азиатской покорной,

даже отсталой и приниженной, но все же твердой государственно-социальной сплоченностью» (14, с. 145). Ф. М. Достоевский с сожалением замечал, что русское общественное сознание мало обеспокоено ясным пониманием миссии России в Азии: «Да и вообще вся наша русская Азия, включая и Сибирь, для России все еще как будто существует в виде какого-то привеска, которым как бы вовсе даже и не хочет европейская наша Россия интересоваться... Россия не в одной только Европе, но и в Азии; потому что русский не только европеец, но и азиат. Мало того: в Азии, может быть, еще больше наших надежд, чем в Европе» (8, с. 33).

Отношения в Сибири в конце XVII – первой половине XVIII в. определялись геополитическим соперничеством Российской империи, Цинского Китая и Джунгарского ханства. Когда в 1758 г. Цинская империя разгромила Джунгарское ханство, Россия активизировала свою политику в Южной Сибири, добилась военного и торгового присутствия на Алтае, в Забайкалье, Приамурье и Приморье. Параллельно с этим делались попытки наладить дипломатические отношения с Китаем, который с конца XVIII в. вступил в полосу глубокого социально-экономического кризиса, потерпев поражение в опиумных войнах (1839–1842, 1856–1860 гг.), сотрясаемый народными восстаниями, он попал в зависимость от Англии и Франции. Со второй половины XIX в. Китай испытывает нажим со стороны «молодых капиталистических хищников»: Соединенных Штатов Америки и Японии. Именно эти государства становятся геополитическими соперниками России в борьбе за влияние на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в.

Присоединение Россией Амурского края вызвало напряженное оживление в рядах американских политиков. В 1848 г. корреспондент национального института в Вашингтоне, член Верховного суда А. Палмер положил на стол президенту США «Записку о Сибири», в которой предлагалось заселить верховья Амура американскими колонистами для организации судоходства и торговли. Тогда же он сообщал, что в Тихом океане находилось около семисот американских китобойных судов, на которых занято промыслом более двадцати тысяч человек. При затратах на снаряжение этой флотилии в 40 млн долларов чистая прибыль от китоловства в 1847 г. составила 10 млн долларов (3). Учитывая интересы представителей американского китобойного бизнеса, А. Палмер открыто ставил вопрос о допуске американского флага в порты Сибири, Камчатки, Аляски, Курильских и Алеутских островов. Еще в 1819 г. государственный секретарь США Джон Куинси Адамс заявил, что все другие государства мира должны примириться с мыслью о том, что континент Северной Америки – законное владение Соединенных Штатов.

В отношении русских колоний на Аляске Дж. К. Адамс придерживался точно такой же точки зрения, отрицая какие-либо права России в Северной Америке. В 1858 г. к генерал-губернатору Сибири Н. Н. Муравьеву-Амурскому обратился предприниматель Де Фриз с просьбой разместить тридцать американских семей для занятия фермерством, судостроением и торговлей, выделив им земли в собственность. Ответ генерал-губернатора, как известно, оказался вполне достойным: «Сначала фермеры, потом войска. И Амур будет потерян» (3). Но двигаясь все дальше на восток, Российская империя не успевала освоить присоединяемые территории, их экономическая и социальная отсталость были очевидны. Дальний Восток по-прежнему оставался регионом, зависимым от центральной власти во всех отношениях. В 40-е гг. XIX в. правительство России стало тревожиться за будущее тихоокеанских владений, и, в частности, за Камчатку, что было связано с обострением международной обстановки на Тихом океане. Экспансия англичан в Китае, массовые вторжения американских китобоев в русские территориальные воды, самовольные заходы иностранцев в Авачинскую губу, американская военно-дипломатическая миссия коммодора М. К. Перри в Японию, затрагивающая интересы России, – все это вызывало серьезное беспокойство. Благодаря настойчивости Н. Н. Муравьева в 1849 г. была решена судьба Охотского порта – самого первого порта России на Тихом океане. Правительственным указом от 2 декабря 1849 г. Охотский порт с морским управлением был упразднен и перенесен в Петропавловск, ставший административным центром вновь образованной Камчатской области на правах губернии. В свою очередь правительства Франции и, особенно, Великобритании, претендовавшей на роль владыки морей, давно готовились к военным действиям в Тихом океане, и начавшаяся в Европе война приближала их к достижению своих целей: блокированию слабо укрепленных русских тихоокеанских поселений и уничтожению русского флота. Героизм защитников Петропавловского порта, проявленный в 1854–1855 гг. под руководством генерал-губернатора В. С. Завойко, не позволил осуществиться этим планам. Однако после упразднения порта и ухода российской эскадры Камчатка вновь становится забытой окраиной.

В последней четверти XIX в. имперская власть обозначила свой интерес к дальневосточному региону двумя проектами, ориентированными на экономическую и культурную модернизацию:

созданием первого Сибирского университета в Томске, основанного в 1878 и открытого в 1888 г. в составе единственного – медицинского – факультета, и началом строительства в 1891 г. Великого Сибирского пути – Транссибирской магистрали, связавшей российские столицы с Дальним Востоком. Эти мероприятия, равно как и государственная переселенческая политика по обустройству крестьян из европейской России на новых местах, исходили в значительной мере из геополитических соображений. Сибирь до середины XIX в. сохраняла буферную специализацию, которая со строительством Транссиба дополняется транзитной. Интересы и потребности сибирского и дальневосточного населения приносились в угодую требованиям безопасности и обеспечения контроля границ империи.

Символический статус азиатской части России возрастает и в связи с развитием геополитики как самостоятельной науки. Разрабатывая ее основы, Рудольф Челлен утверждал, что главным для каждого государства является его мощь, а она складывается из естественно-географических свойств, хозяйства, народа, формы государственного правления, и что государство – это цель сама по себе, и для нее можно пожертвовать и законом, и интересами людей (22).

Так, исходя исключительно из национальных интересов США, адмирал Альфред Тайер Мэхэн (1840–1914) выдвинул идею о приоритете морской силы, которая позднее послужила логическим обоснованием для экспансии США в направлении к мировому господству. Он первым заявил, что морская мощь государства напрямую зависит от размеров страны, длины ее береговой линии (чем больше, тем лучше), изрезанности береговой линии – количества гаваней, бухт и заливов, способных образовать укрытия для флота, численности прибрежного населения, способного построить и обслужить флот, делового характера нации, способного на инициативные действия и типа политического управления страны, способствующего инициативе народа в развитии морской практики (15, 16). Именно на этой основе впоследствии развилась американская морская агрессивная геополитическая доктрина. Идеи А. Мэхэна не обошли стороной нашу страну, в отечественной военно-морской публицистике отмечалась важность работ А. Мэхэна для пропаганды развития российского флота (21, с. 19). Между тем, в конце XIX – начале XX в. США впервые столкнулись с необходимостью определения глобальной стратегии. Практически была завершена экспансия в пределах континента, был закрыт первый фронт. Зарождается и внедряется в мировое общественное мнение представление о необходимости постоянного расширения американской цивилизации, неотвратимости и благотворности распространения американской демократии (18, с. 7–8). В этом понимании миропорядка главным препятствием стала Россия – непредсказуемая, постоянно расширяющаяся, распространяющая свое влияние на сопредельные страны. В конце XIX в. А. Мэхэн в книге «Проблема Азии и ее воздействие на мировую политику» признавал грандиозное значение расселения русских в северной части евроазиатского континента и выхода России к Тихому океану. Ключевой в мировой политике адмирал считал северную континентальную полусферу, Россию, – доминантной азиатской державой, а США – продвинутым далеко на запад форпостом европейской цивилизации и силы. Азиатское пространство между 30 и 40-й параллелями А. Мэхэн рассматривал как зону длительного конфликта между сухопутной мощью России и морской мощью Англии. США превращаются в мировую державу будущего и на них, предсказывал А. Мэхэн, ляжет основная тяжесть борьбы с русской мощью (16, с. 23). Отсюда стремление зажать Россию как можно плотнее в кольцо недружелюбных держав, а чтобы лишить ее морской мощи, внушать, что Россия – государство континентальное, теллулократическое, отличное от талассократии, опирающейся на морское могущество. Продвижение России к морям рассматривалось как непосредственная угроза США.

В знаменитой работе «Географическая ось истории» Х. Маккиндера была сформулирована концепция «Хартленд», который обозначал ключевую область мирового организма. Одно из центральных положений этой теории можно сформулировать следующим образом: «тот, кто контролирует Хартленд, контролирует мир» (12, с. 23). Россия, занимающая огромное континентальное пространство, и есть такая сердцевина евразийского материка, несущая постоянную угрозу завоевания другим народам. Но российская действительность демонстрировала неспособность самодержавия к хозяйственному освоению территорий, многократные попытки крестьянской колонизации стали давать результат только после отмены крепостного права и установления регулярного морского сообщения между Одессой и Владивостоком в 1880 г. Несмотря на меры, предпринимаемые по заселению Дальнего Востока, плотность населения по-прежнему оставалась одной из самых низких в России, что оказывало тормозящее влияние на развитие экономики региона (6, с. 44–45). В этом плане показателен случай с крестьянскими семьями молокан, прибывших на Камчатку, поскольку принципы их веры вошли в противоречие с условиями жизни на полуострове. Молоканам, считав-

шим собаку грязным животным, не объяснили, насколько в хозяйстве для охоты и передвижения необходимы собаки, и в суровых условиях зимы люди оказались отрезанными от всех бездорожьем, да и охота уже была невозможна. Особенно переселенцы страдали от цинги. Начальник Петропавловского уезда прислал молоконам ящик лука, чеснока, квашеной капусты. Но им запрещалось употреблять в пищу горькие травы. Результатом стал падеж скота и голод среди людей, заставившие едва не погибших сектантов перешагнуть через свои заповеди (5, с. 7).

Непонимание значимости дальневосточных рубежей для Российского государства привело к провалу колонизационной политики в Китае и к территориальным потерям в войне 1904–1905 гг. с Японией, когда Россия потеряла геополитически значимые земли.

Кризис самодержавия и гражданская война усилили центробежные тенденции на окраинах страны, что выразилось в образовании ДВР (27.04.1921–14.10.1922 гг.). Тем не менее, в 1920–1930-е гг. в Сибири и на Дальнем Востоке разворачивается мобилизационная модернизация, которая сочетала энтузиазм строителей коммунизма с принудительным трудом спецпоселенцев, большую часть которых составляли ссыльные – политические жертвы коллективизации и узники ГУЛАГа различных категорий (23). Примечательно, что процесс модернизации региона в советский период переходит на плановые рельсы. В первое двадцатилетие советской власти формируется сырьевая компонента индустриального развития Дальнего Востока, развивается транспортная сеть, разрабатывается проект Северного морского пути. Вплоть до 1945 г. государство активно проводило концессионную политику в развитии рыбной промышленности, что, несмотря на определенные уступки европейскому, американскому и японскому частному капиталу, позволило повысить конкурентоспособность советского сектора рыбной промышленности (11). Великая Отечественная война вновь усилила геополитическое значение Азиатской России, ставшей вторым стратегическим фронтом страны.

Несколько особняком стоит период 1960–1970-х гг., на который пришлось ускоренное освоение восточных регионов и формирование здесь крупных территориально-производственных комплексов. Это обстоятельство является в значительной степени результатом реализации государственной стратегии развития региона в советский период.

Распад СССР негативно повлиял на развитие Дальнего Востока: сложились элементы рыночной инфраструктуры, изменились формы собственности, произошли изменения в структуре занятости, все это вновь породило центробежные тенденции. Население активно покидало Дальний Восток. Именно в это время ведущий консультант Института мировой политики (США) Уолтер Рассел Мид выпустил ряд статей, ставших в Америке 90-х настоящей сенсацией. План американского аналитика предполагал покупку Дальнего Востока и большей части Восточной Сибири, то есть территории, ограниченной с севера Ледовитым океаном, Енисеем на западе, Тихим океаном на востоке и нынешними границами России с Китаем, Монголией и Северной Кореей на юге (17). Реальность «покупки века» американский советник видел в бездарности власти, не способной управлять богатейшим краем, плачевном состоянии всей инфраструктуры региона, кризисе в отношениях с Центром, тотальном воровстве на всех уровнях экономической жизни, равнодушии (если не неприязни) местных жителей к попыткам Москвы восстановить свой контроль на местах, чувстве безнадежности в среде местной интеллигенции (все еще блестяще образованной и талантливой), прозябающей в своих «медвежьих углах», периодических топливно-энергетических кризисах, параличе производства, неэффективности экспорта, местном рынке, оккупированном дешевым китайским ширпотребом... Это ли не основания для того, чтобы «спасти гибнущий регион, опускающийся в пучину исторического небытия на фоне роста крайних националистических настроений в среде плохо образованной и радикально настроенной молодежи?», – считал аналитик (17).

К счастью, кризис миновал и в последнее десятилетие государство все внимательней относится к судьбе Дальнего Востока. Ведь именно здесь резко возросло геополитическое значение Азиатско-Тихоокеанского региона. АТР сегодня – это 44 государства и районы, расположенные по восточному и западному берегам Тихого океана и морей, входящих в его бассейн, а также страны Океании, Австралия и Новая Зеландия. Сюда же включают Канаду и Индию, географически не входящих в зону АТР, но способных оказывать большое влияние на обстановку в этом регионе. АТР – это 52 % поверхности земного шара и 3,6 млрд населения планеты. Хотя цифровые данные по странам АТР часто бывают противоречивыми, все же большинство подсчетов свидетельствует о том, что в конце 1990-х гг. на их долю приходилось около 50 % мирового населения, около 60 % мирового ВВП и 40–45 % мировой торговли. Здесь выпускают порядка 70 % всех автомобилей, морских судов, синтетических волокон, 60 % пластмасс, более 50 % алюминия и стали (13). В современном полицентричном мире АТР занимает особое место, как по своему экономическому потенциалу, так и по

степени влияния на мировую политику. Именно здесь сконцентрированы наиболее динамично развивающиеся мировые экономики, демонстрирующие устойчивость и стабильность даже в условиях глобального финансово-экономического кризиса.

При разумной внешней и внутренней политике федеральных властей, учитывающей уроки истории, интересы всей России и специфику Дальнего Востока, его потенциальную геополитическую роль в системе АТР, Российская Федерация может укрепить свои стратегические позиции, обеспечить свои национальные интересы и безопасность.

1. *Golder F. A.* Russian expansion on the Pacific 1641–1850. An account of the earliest and later expeditions made by the Russian along the Pacific coast of Asia and North America, including some related expeditions to the Arctic regions, Cleveland. Clark, 1914. 345 p.

2. Russian penetration of the North Pacific Ocean. 1700–1799. To Siberia and Russian America. Three centuries of Russian Eastward Expansion. Vol. 2. Edited and translated by Basil Dmitryshyn. Oregon Historical society press 1988 p.

3. *Аленко А. А.* Дальний Восток в эпоху графа Н. Н. Муравьева-Амурского и митрополита Иннокентия (Вениаминова) <http://old.pravostok.ru/ru/journal/society/?id=1079>

4. Американский и сибирский фронт : мат. междунар. науч. конф. «Американский и сибирский фронт (фактор границы в американской и сибирской истории)». 4–6 октября 1996 г. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1997. С. 115–124.

5. *Балалаева Н. М.* О попытке переселения земледельческого населения Амурской области на Камчатку в 1911–1912 годах // Вопросы истории Дальнего Востока. Вып. 3. Хабаровск : ХГПИ, 1973. С. 7.

6. *Власов С. А.* Краткая история российского Дальнего Востока : Учебное пособие по истории для учащихся общеобразовательных школ, гимназий, лицеев и высших учебных заведений. Владивосток, 2002. 104 с.

7. *Гринев А. В.* Геополитические интересы в Америке и на Тихоокеанском севере. XVIII – первая половина XIX в. // Вопросы истории. 2009. № 3. С. 51.

8. *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя // Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., : 1984. Т. 27. С. 33.

9. *Ерохина Е. А.* Сибирский вектор внутренней геополитики России / отв. ред. Ю. В. Попков ; Ин-т философии и права СО РАН. Новосибирск, 2012. 418 с.

10. *Замятин. Д. Н.* Геократия. Евразия как образ, символ и проект российской цивилизации // Государственная идеология и ценности в государственной политике и управлении (к становлению политической аксиологии) : мат. научн. сем. Вып. 3 (41). М. : Научный эксперт, 2011. 128 с. С. 17–18 .

11. *Кошкарёва С. Г.* Содержание и специфика советской концессионной политики на Дальнем Востоке в 1920–1930-е гг. // Власть и управление на Востоке России. 2007. № 3. С. 124–131.

12. *Маккиндер Х. Дж.* Географическая ось истории // Полис. 1995. № 4. С. 162–169.

13. *Максаковский В. П.* Азиатско-Тихоокеанский регион в мировом хозяйстве. <http://geo.1september.ru/article.php?ID=200103503>

14. *Менделеев Д. И.* К познанию России. М. : Айрис-пресс, 2002. 559 с.

15. *Мэхэн А. Т.* Влияние морской силы на историю, 1660–1783. М. : Изд-во АСТ; СПб. : Terra Fantastica, 2002. 634, [6] с.

16. *Мэхэн Альфред Тайер.* Роль морских сил в мировой истории. М. : Изд-во Центрполиграф, 2008. 608 с.

17. Не купить ли нам Сибирь? ...За три триллиона долларов // Тихоокеанская звезда. 2000. 18 авг.

18. *Пеллпась М. Я.* Влияние концепции фронта на формирование внешнеполитической стратегии США в XX в. // Американские исследования в Сибири. Вып. 5. : мат. Всерос. науч. конф. «Американский и сибирский фронт», Томск, 6–8 февр. 2001 г. Томск : Том. ун-т, 2001. 230 с. С. 7–8.

19. *Поляков Ю. А.* Историческая наука: люди и проблемы. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. 454 с.

20. *Ремнев А. В., Суворова Н. Г.* Колонизация Сибири XVIII – начала XX веков: империи- и нациостроительство на восточной окраине Российской империи // История. Антропология. Культурология: Программы и избр. лекции. Ч. II. Избранные лекции. Омск : ООО Издательский дом «Наука», 2004. С. 37.

21. *Федоров Н. В.* Идеи А. Т. Мэхэна и военно-морская политика великих держав на рубеже XIX–XX вв. // Военно-исторический журнал. 2012. № 12. С. 19.

22. *Челлен Р.* Государство как форма жизни / пер. с швед. и примеч. М. А. Исаева; предисл. и примеч. М. В. Ильина. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 319 с. (История политической мысли).

23. *Чернолуцкая Е. Н.* Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. Владивосток : Дальнаука, 2011. 512 с.